

Регина Поливан

В этом году фронтовик Иван Сердюк отмечает две круглые даты: 70-летие Победы и собственный юбилей — 7 июня ему исполнилось 90 лет. Есть и третья годовщина: четверть века назад стараниями Ивана Максимовича на набережной Благовещенска появился необычный памятник — бронекатер времен Великой Отечественной. Кадровый военный в отставке не только предложил установить боевой корабль на берегу Амура, но и лично отбуксировал его в областной центр Приамурья. Об этом, а также о том, как вместо запаса его отправили в зенитный полк и почему он до сих пор переписывается с жителями карельского поселка, ветеран рассказал нашей газете.

Из запаса — в артиллеристы

— Иван Максимович, расскажите, где вас застало 22 июня 1941 года?

— Мы жили на северо-востоке Украины, в поселке Талалаевка Черниговской области. Я тогда был еще совсем пацан, только окончил семь классов и получил комсомольский билет. Мне было 16. А нас тогда как воспитывали? Что врага мы разобьем где-нибудь за рубежом. Но получилось по-другому. В сентябре к нам пришли немцы. И ровно два года, с 16 сентября 1941-го по 16 сентября 1943-го, мы находились на оккупированной территории, видели все зверства, которые там творились. И не так свирепствовали немцы, как подло вели себя полиция — наши бывшие кулаки. Они предавали евреев, коммунистов и сами же их вешали и расстреливали. Такие мои первые впечатления от войны.

— Как же вы попали на фронт?

— Начали организовываться партизанские отряды, в Сумской области подпольем руководил Ковпак, в Черниговской — Федоров. Партизанский отряд появился и у нас в Талалаевке, но его организаторов очень быстро предали — уже 6 ноября 1941 года их всех вывезли в соседний город Ромны и там уничтожили. Многие наших угнали в Германию, в том числе двух моих дядьев Никифора Марковича и Антона Марковича, тетю Марию Марковну. Хотели и меня угнать, но нам с товарищами удалось бежать на одной из перевалочных станций. До освобождения территории советскими войсками мы прятались в поселке. В 1943-м пришли наши, и меня вместе с остальными призвали в ряды Вооруженных сил. Тогда как раз вышел приказ Сталина о пополнении армии за счет освобожденных территорий.

— Где вам довелось воевать?

— В основном я воевал на Карельском фронте, также на 3-м Белорусском. Сначала был пехотинцем, закончил войну артиллеристом. Это вышло так: в 1944 году попал в госпиталь, и в бумагах мне поставили букву «З», что значит «запас». Но писарь вместо маленькой буквы написал

Ветеран Иван Сердюк воевал на линии Маннергейма, пахал на танке и стал автором памятника

«Крестный отец» бронекатера

Во время войны бронекатер входил в состав Дунайской флотилии.

ketosha.livejournal.com

большую, а это уже значило «зенитный». Привезли нас в полк, а там из пятнадцати человек я один парень, остальные все девочки-зенитчицы. Служить я остался не с ними, конечно, стал артиллеристом-разведчиком. Мы находились в рядах пехоты, искали цели и передавали данные на батареи, после чего наши 122-миллиметровые пушки-гаубицы накрывали огнем врага.

На сопках Карелии

— Какой период Великой Отечественной войны запомнился вам как самый страшный?

— Когда мы вышли на государственную границу с Финляндией. Километров на пять зашли вглубь территории. Нас окружил бывший русский генерал Маннергейм и десять суток, с 1 по 10 августа 1944 года, доколачивал среди карельских сопек. Финны стреляли бризантными снарядами, которые разрывались сверху. Оттуда летели шарики, сбивая все вокруг, поэтому приходилось все время зарываться в землю. Зарывали мы и лошадей, но они иногда все равно погибали. Был у нас одесит Пославский, он придумал варить конское мясо. Оно было несолёным, жирным, но спасло нас от голода. Когда нас уже вот-вот должны были добить, нам дали команду уничтожить пушки и выйти по азимуту, что мы и сделали. Многие были ранены, даже медицинская сестра Римма Марковна Маршак. Уже 19 августа мы получили новые пушки и машины вместо тягловых лошадей и снова пошли в бой. А осенью было заключено перемирие с Финляндией, и с Карельского фронта нас перебросили на 3-й Белорусский.

— Прошло уже больше 70 лет, а вы до сих пор ведете переписку с жителями карельского поселка Поро-

Дмитрий ТУПИКОВ

озеро. Как началась эта история?

— Поросозеро мы освобождали в июне-июле 1944 года. Эти места значимы для меня — там похоронены мои однополчане. Кроме того, еще юнцом я прочел книгу о финском революционере Тойво Антикайнене, в которой описывался его путь от станции Масельская до Ребол. Получилось, что в 1944-м я повторил этот самый путь. Уже после войны в Карелию съездил мой однополчанин Муслиенко, он-то и натолкнул меня на мысль списаться с жителями Поросозера. Переписка завязалась с директором школы Альбиной Владимировной Введенской, которая жива и сегодня, потом и с ее учениками. Меня там знают, шлют книги, газеты, а сейчас по электронной почте с ними держит связь уже и моя младшая дочь.

— Вы бывали там после войны?

— К сожалению, именно в Поросозере нет. Знаю, что там установлен памятник, есть надпись, что эти места в 1944 году освобождала наша 176-я стрелковая дивизия в составе 728-го артиллерийского полка. В 1969 году вместе с женой я оказался почти рядом — в Приозерске, это бывший финский город Кексгольм. От него до Поросозера 300 кило-

метров, так что видел ту самую линию Маннергейма.

Памятник на буксире

— Иван Максимович, вы упомянули, что заканчивали войну в составе 3-го Белорусского фронта. Где встретили Победу?

— В небольшом польском городке Сувалки, который тогда относился к Восточной Пруссии. Там мы стояли в бывшей школе. Когда готовили, приходилось закрывать дымоход, чтобы не выдать врагам свое присутствие. Спали в сарае, но это была очень добротная постройка, с толстой кирпичной кладкой, поставленная на века. Там мы и узнали о победе.

— Как же вы оказались на Дальнем Востоке?

— После войны меня как артиллериста отправили в Челябинск в школу сержантского состава, чтобы я смог пересест на танк. Оттуда 14 мая 1946 года я прибыл на Дальний Восток. Здесь в Моховой Пади нас посадили на новые танки ИС-3, мы немного на них покрасовались перед девушками, а потом их забрали и прислали танки М4А2 — американские «шерманы». Но если в наши танки снаряд попадает как в тесто, не повреждая экипаж, в этих полностью разрушает броню и калечит людей. Поэтому мы с них быстренько снимали башни, приделали плуги и пахали на них огороды жителям Моховой Пади. Потом эти же американские танки мы расстреливали на учениях — отрабатывали военную технику. А в 1948 году в благовещенском кинотеатре я познакомился со своей красавицей супругой Татьяной Петровной. Вышло случайно, занял ее место — и вот мы уже 67 лет вместе.

— Как получилось, что вы, пехотинец, артиллерист

и танкист, стали «крестным отцом» одного из значимых благовещенских памятников — бронекатера, установленного на набережной Амура?

— Военная судьба мне, наверное, на роду была написана: говорят, Сердюки — это выходцы из казачьей гвардии. Вот я и прослужил в общем счете 42 года, был кадровым военным. Когда закончил срочную службу, оказался в морской части на острове Русском. Потом вновь приехал в Приамурье, служил уже во флоте. Когда на Дальнем Востоке началась канитель с китайцами, сюда прислали бронекатеры с Дунайской флотилии, чтобы укрепить государственную границу. Эти корабли, прошедшие Великую Отечественную, ходили здесь примерно десять лет, а потом, когда обстановка наладилась, один из них отдал в Свободный — там на нем занимались юные моряки. Потом судно там стало не нужно, и меня командировали сходить в Свободный и забрать его сюда. Я привел бронекатер в Благовещенск на буксире, но встал вопрос: что с ним делать дальше? Тогда я предложил сделать памятник, мою инициативу поддержали.

— Так просто?

— Не совсем, конечно. Были и те, кто препятствовал установке бронекатера на набережной, но в 1990 году его открытие все-таки состоялось. Нельзя было его бросать, ведь этот корабль прошел войну, освобождал Европу, он даже занесен в международный реестр исторических кораблей, составленный в Лондоне. Пришлось побороться за это судно, и в 90-е, когда его хотели разобрать на металлолом, мы и тогда отстояли наш корабль, даже писали статьи в газеты: «Не троньте бронекатер!» И вот сегодня он — украшение и гордость Благовещенска, а я горжусь тем, что оставил след в истории города.